

ПУГАНИЕ ДЕТЕЙ ВЗРОСЛЫМИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Frightening of Children by Parents and Its Consequences

Valentīna Romenkova

Latvijas Universitāte, Latvija

Abstract. *The article attempts to generalize data on such a complex pedagogical and psychological phenomenon as the deliberate frightening of children by adults. Despite an obvious or apparent harm, it is still included in the established set of methods of family education. In our study, we studied the origins of this phenomenon, the degree of its prevalence in the practice of family education at the present time, and the consequences of using threats in the process of education in the assessments of the adults who were brought up in this way.*

To achieve the research objectives, a number of former children who were frightened in childhood by their parents, the content of adults' threats, the motives for frightening children and its influence on the further development of the child were studied.

Keywords: *the image of the world, the frightening of children in the process of education, the content of adults' threats to children in the process of education.*

Введение

Introduction

Ухудшение психического здоровья населения в странах постсоветского пространства, увеличение агрессивности детей и подростков в школе и вне ее заставило искать истоки данных явлений. Многие философы и психологи увеличение напряжения современного человека, его вселенский страх объясняют тем, что все наши устремления являются «бытием-направленным-к-смерти» (Хайдеггер, 2003: 9). Этот страх, как считают некоторые психологи, символизирует некую глубинную, не осознаваемую нами тревогу или некую проблему, на решение которой у нас не хватает сил (Холлис, 2010). Д. Холлис, в русле психоаналитической традиции, современное состояние психики людей объясняет исчезновением магических ритуалов, которые снижали тревогу. Развеивание, как он считает, мифической иллюзии или веры как мнимой защиты от бессмысленности и страха, призвано заставить человека возмужать. Автор

призывает взглянуть в лицо подобному страху и, тем самым, принять и изжить его.

Проводятся конференции, призванные заставить человека смириться со смертью (Савчук, 1993: 38), большой популярностью пользуются рассказы о «загробном» опыте людей, переживших клиническую смерть. Между тем, христианская традиция учила воспринимать смерть как важный, но только один из этапов человеческой жизни. Никакой психологической травмы и, следовательно, увеличения страха или агрессивности данное обстоятельство у людей не вызывало. Наоборот, еще в 19 в. Россия с ее православной верой, была в числе стран с самым низким числом самоубийств - 1,2 человека на 100 000 населения. Воспитание детей предполагало заботу о них, воспитание их в страхе Божиим (т.е. соблюдении заповедей, норм поведения) и в радости, чтобы дети, по словам апостола Павла, не были унылыми (О христианской семье, 1996: 5).

Страх Божий страхом в общепринятом смысле не является: это благоговейное отношение, боязнь огорчить, желание послужить.

Преднамеренное пугание детей считалось в русской педагогической мысли свидетельством низкой культуры педагога, его беспомощности. Ничем не оправданным и крайне вредным для здоровья считал пугание детей В. М. Бехтерев (1912). В настоящее время объяснение феномена пугания детей можно найти в материалах по изучению, а) традиционной культуры славянских и других народов; б) национальной культурной концептосферы отдельных этносов; в) характеристик Образа мира каждого народа и г) модели воспитания в каждой культуре.

Интерес в контексте нашей темы вызывает представление каждого народа о нормативности поведения, о ребенке и его будущем, а также содержание образов, которыми пугают детей. Пугание в этом случае может означать аффективное усвоение представлений о мире и правил жизни в нем и желание направить развитие ребенка в правильное русло.

Отдельную линию изучения народных представлений о мире составляют т. наз. «смертные песни», широко, по мнению некоторых исследователей, распространенных именно в русском детском фольклоре колыбельных с пожеланиями смерти ребенку. Споры вокруг данного явления ведутся с конца 19 в..

В рамках данной темы важным представляется также исследование педагогических и психологических последствий использования страшных образов и угроз в воспитании детей. Во-первых, изучения требует действенность данных методов, которая должна оказаться высокой, раз их

используют так упорно. Во-вторых, важно выявить мотивацию взрослых, причины, по которым они угрожают ребенку. В-третьих, необходимо убедиться в безвредности для ребенка, для его психического состояния подобных действий взрослых. Трудно предположить, что родители сознательно вредят детям.

В психоаналитической традиции страхи являются краеугольным камнем построения личности. Страх сопровождает человека от начала до конца и является непреодолимым в принципе. Человек только с большим или меньшим успехом его «изживает» (Холлис, 2010). Такие взгляды вроде бы подтверждаются наличием страха у пациентов психоаналитиков. Однако здравый смысл и педагогический опыт свидетельствуют, что не все дети подвержены немотивированному непреодолимому страху. Нас интересует, сколько детей стали бояться в результате запугивания взрослых.

Своеобразной реакцией на угрозы взрослых выступают т. наз. «ужасные» рассказы самих детей. Их содержание также помогает выявить предметность страхов и их источник.

Итак, **объектом нашего исследования** является феномен пугания детей в практике воспитания.

Предмет исследования – последствия данной практики для развития детей

Целью нашего исследования явилось определение распространенности такого педагогического явления как пугание детей родителями и его влияния на развитие ребенка.

Для достижения исследовательских целей решались следующие задачи:

- а) путем опроса выявить количество людей, которых в детстве пугали родители;
- б) выявить предметность угроз взрослых;
- в) изучить мотивы пугания детей и его влияние на дальнейшее развитие ребенка.

В исследовании приняли участие взрослые от 19 до 38 лет (репрезентативная выборка). Исследование проводили преподаватель и студенты РВШПУО (РРІVА) в 2015-16 гг.

Материалы и методы включают теоретический анализ литературы, опрос, наблюдения и анализ полученных данных.

Постановка проблемы *Definition of problem*

Анализ исследований и публикаций. Часто прием пугания детей выводят из свойств т. наз. мифологического или народного сознания. В. В. Усачева (2008) в своем глубоком исследовании обобщила данные научных источников, отражающих обычаи и обряды нескольких славянских близко живущих народов.

В каждом народе мотив здоровья и духовной радости в т. наз. народной культуре, синкретическом образовании языческих и христианских обычаев, является преобладающим. Автор видит в этом известное отклонение от христианства, которое якобы желает видеть всех аскетами. «Для живого человека здоровье – драгоценность, а болезнь – тяжелая напасть. Здоровье считается даром от Бога и причисляется к жизненным благам, в то время как болезни приписываются враждебным человеку силам, против которых надо принимать защитные меры» (Усачева, 2008: 268). Как пишет автор, основываясь на анализе источников, в болгарском народном календаре существовали, например, многочисленные праздники для охраны здоровья матери и детей, где им желали здоровья и духовного веселья как аналога психического здоровья.

Постоянная забота о нормальном развитии ребенка, его здоровье являлась главной обязанностью матери. Бездетность являлась большим несчастьем, поэтому при помощи обрядов бездетные супруги пытались переменить свою судьбу и испросить дитя (Усачева, 2008: 255).

С болезнью боролись, при соблюдении обрядов ее, в том числе, пытались обмануть, устрашить, принять иной внешний вид, чтобы та не узнала человека. Со страхом болезни тоже боролись. Если болезнь бояться, она может напасть.

В. В. Усачева (2008) считает, что ритуальный обман в его вербальном и акциональном вариантах является, по народным представлениям славян, действенной мерой в борьбе с нечистой силой, в том числе с болезнями, постоянно докучающим человеку. Как видим, никаких доказательств, что родители якобы могли желать смерти своему ребенку, нет. Наоборот, они всеми силами старались вырастить его физически и духовно здоровым. Нет никаких оснований исключать из традиционной славянской культуры русский этнос. Разгадку «смертных колыбельных» следует продолжать искать.

Сохранению здоровья способствовало сохранение запретов. Существовало много запретов, связанных с возможными нарушениями границ (дома, двора, дня и ночи и т.п.). Вспомним «не ложися на краю» из русской колыбельной. Именно на границах живут сущности, вредящие человеку.

Феномен границы в детерминации активности ребенка исследовала М. А. Ишкова (1998). Она считает «границу» категорией человеческого бытия, а идею «границы» - движущим началом существования и становления человека. Идею «границы», ее установление автор считает побудителем, мотивом человеческой деятельности, реализующейся посредством влечения индивида к пределу, его желанию перейти предел, устремленности к беспредельному действию. При запрете переступить границу существует сближение с разграничительным стимулом, стремление повторно пережить «аффект прохождения границы», мотив риска, осмысление границы как преодоления (Ишкова, 1998: 7). В контексте нашей темы данные выводы означают, что установление границ способствует активности ребенка, его желанию достичь в своей деятельности высоких результатов, приобрести упорство, как черту характера и т.п. В таком случае пугание детей может способствовать их более высокой жизнестойкости. К сожалению, эмпирических данных, подтверждающих эти положения, нет.

Д. Туминас (2008) вслед за В. В. Головиным считает младенца находящимся еще на границе миров: настоящего мира живых и мира потустороннего. Ребенок, по мнению этих авторов, является еще недочеловеком. С «того» света он тянет за собой «чужие» сущности, которых и «умерщвляют» взрослые (прежде всего, мать) в «смертных» колыбельных. Таким образом, настоящее рождение ребенка происходит при пении ему колыбельных, в том числе и «смертных».

Приведем несколько примеров таких колыбельных.

*Баю, бай да люли,
Хоть теперь умри,
Завтра у матери кисель да блины,
То поминки твои.
Сделаем гробок
Из семидесяти досок,
Выкопаем могилку
На плешивой горе,
На плешивой горе,*

*На господской стороне.
В лес по ягоды пойдём,
К тебе, дитяtko, зайдём.*

*Баю, бай,
Хоть завтра помирай.
Пирогов напечём,
Поминать пойдём,
К тебе дитяtko, зайдём.*

*Ой, люли, люли, люли,
Ты сегодня умри,
Завтра похороны,
На погост понесём,
Пирогов напекём,
Со малиной,
Со гречневым крупам,
Будем Шуру поминать,
Себе брюхо набивать.*

*Баюшки, баю!
Колотушек надаю.
Бай да люли!
Хоть ныне умри.
У нас гречиха на току,
Я блинов напеку,
Я тебя, дитяtko,
На погост поволоку.
Завтра мороз,
А тебя на погост,
Я соломы насеку,
Я блинов напеку.
Пойду дитяtko поминать,
Попу брюхо набивать.*

*Баюшки, баю!
Не ложися на краю.
Заутро мороз,
А тебя на погост!
Дедушка придёт,*

*Гробок принесёт,
Бабушка придёт,
Холстинки принесёт,
Матушка придёт,
Голосочек проведёт,
Батюшка придёт,
На погост отнесёт.
Баюшки, баю,
Колотушек надаю!*

*Спи, дитя моё мило,
Будет к осени друго,
К именинам третьё,:
Седни Ванюшка помрет
Завтра похороны,
Будем Ваню хоронить,
В большой колокол звонить.*

*(Записано Калининковым в Архангельской губ.,
Онежском уезде. 1912 г.)*

*Бай, бай да люли
Хоть сегодня умри.
Сколочу тебе гробок
Из дубовых досок.
Завтра мороз,
Снесут на погост.
Бабушка-старушка,
Отрежь полотенце,
Накрыть младенца.
Мы поплачем, повоем,
В могилу зароем.
Баю-баюшки, баю,
Колотушек надаю,
Колотушек двадцать пять,
Будет Ваня лучше спать.*

(Бессонов П. Детские песни. 1868)

*Баю-баюшки, баю,
Колотушек надаю,
Колотушек двадцать пять,
Будет Ваня лучше спать.*

(Бессонов П. Детские песни. 1868)

Объяснение мотивов возникновения данных текстов колебалось от отсутствия нравственного чувства у матерей-крестьянок, их тяжелой доли и непосильного труда до привычности смерти в многодетной семье и заговорном характере песен (Мельников, 1987). Некоторые авторы считали, что мать понарошку пугает плаксивое беспокойное дитя. Не существует, к сожалению, объяснений самих опрашиваемых.

Наше исследование показало, что народные колыбельные песни с точки зрения структуры отражаемого в них образа мира, ценностей определенных культур и прогнозируемого будущего ребенка являются мощным средством формирования положительного образа мира. Выявились как общие черты, присущие песням носителей различных культур (латышской, русской и украинской): оптимизм, светлый характер образов, «нестрашность» отрицательных персонажей, четкая целесообразная и реалистичная система устройства мира, четкая прорисовка образа ребенка в мире, желаемое будущее ребенка; так и различия, касающиеся отношений между ребенком и другими людьми, особенностей наказаний, средств достижения целей, системы ценностей.

В латышских колыбельных представлен очень небольшой круг отрицательных персонажей, вредящих ребенку. Это Мара, черная птичка, которые мешают спать. «Чужих» в славянском понимании, как плохих людей, плохих существей в латышских колыбельных нет. Все свои. Вероятно, теплые слова, сказанные о матери и других близких, позволяют обратить внимание прежде всего на хорошие черты «своих». Однако, забегаая наперед, скажем, что главным объектом устрашения детей в реальной жизни являются именно плохие люди. Медленное формирование концепта «чужой», что вообще свойственно латышским колыбельным, приводит к нераспознаванию его в реальной жизни.

Исключением в светлом мире латышской колыбельной песни является тяжкая доля внебрачного ребенка: он будет спать под кустом и укрываться колючкой. Будущее такого ребенка мрачное. Скорее всего его ждет смерть. Это объяснялось неспособностью матери прокормить в одиночку внебрачное дитя (Ромenkova, 2009).

В отличие от этого, как в украинских, так и в русских колыбельных очень тщательно проговариваются особенности всех существ, которые вредят ребенку. Это Бука, Бабай, Басалай, Бахахай, Угомон, собака, волк и т.п., которые стремятся украсть или съесть младенца. Пугание может усиливаться действием взрослого - матери или няньки. Они изменяют голос, поскрипывают ногой (Головин, 2000: 19). Ребенок испытывает эмоциональное напряжение и после этого засыпает. Для того, чтобы сбить истерику, плач, крайнее возбуждение, иногда необходим устрашающий текст. В. В. Головин считает, что послушных и спокойных детей не пугали.

Анализ рассмотренных источников позволяет сделать вывод о высокой ценности ребенка и его здоровья как в традиционной, так и современной культуре. Следовательно, пугание детей призвано их успокоить, предупредить, научить отличать «своих» от «чужих».

Изложение материала

Results

В исследовании принимали участие взрослые люди обоего пола в возрасте от 19 до 45 лет (репрезентативная выборка). В составе выборки мужчин и женщин было поровну. Опрос и беседы проводили студенты РВШПУО, г. Рига, Латвия. Основной материал был получен В. Шмите в ходе бакалаврского исследования.

Из всех опрошенных взрослых 95 % в детстве родители пугали. Как правило, опрашиваемые отмечали, что угрозы родителей возникали как реакция на очень активную деятельность, шалости, любопытство, игру вблизи колодцев, леса и т.п. Так, не разрешали искать и трогать гнезда птиц, т.к в противном случае ребенка заберет черный ворон, обрывать верхушки молодых деревьев т.к. родится ребенок без пальчиков, отдадут дворничихе, если не будет есть суп, и т.п. Иногда дети понимали, что их пугают и не боялись.

В нашем исследовании выяснилось, что чаще пугали младших детей, вероятно, как более подверженных риску несчастного случая.

Попадались экзотические виды угроз ребенку. Так, одному из детей в сельской местности, где кроме соседей он никого не видел, не велели выходить со двора, иначе он может встретить грузина. До сих пор уже взрослая женщина с интересом воспринимает все, связанное с грузинами.

Детей пугали людьми, животными, сверхъестественными существами и другими объектами (доктор сделает укол и др.). Большинство

опрошенных благодарны своим родителям за то, что они старались уберечь их от опасностей. Все (!) считают, что в детстве они были непослушными и их надо было каким-то образом укротить.

Таблица 1. Чем родители пугали ребенка в детстве? (Шмите, 2006)
Table 1 What parents used for scaring children in the childhood?

Люди	Животные	Сверхъестественные силы	Другое
Чужой дядя*	Черный кот	Нечистые	Не будет нравиться девушкам
Бородатый дядя*	Лягушки в пруду	Бабай (bubulis)	Видят через телевизор, что делают дети
Полицейский	Черный ворон	Водяной дух (Būzelis)	Если не съест всю тарелку, будет плохая погода и не выйдет погулять
Грузин	Волк	Хозяйка леса	Не дадут сладостей
Дворник		Чудовища	Не получит подарка на Рождество
Доктор		Водяные жители	Мама уйдет из дому
Чужая тетя*		Старик, нагоняющий сон	Оставят одного дома
			Доктор Березкин (прут)

*в латышском языке не носит негативного подтекста (просто, чужой)

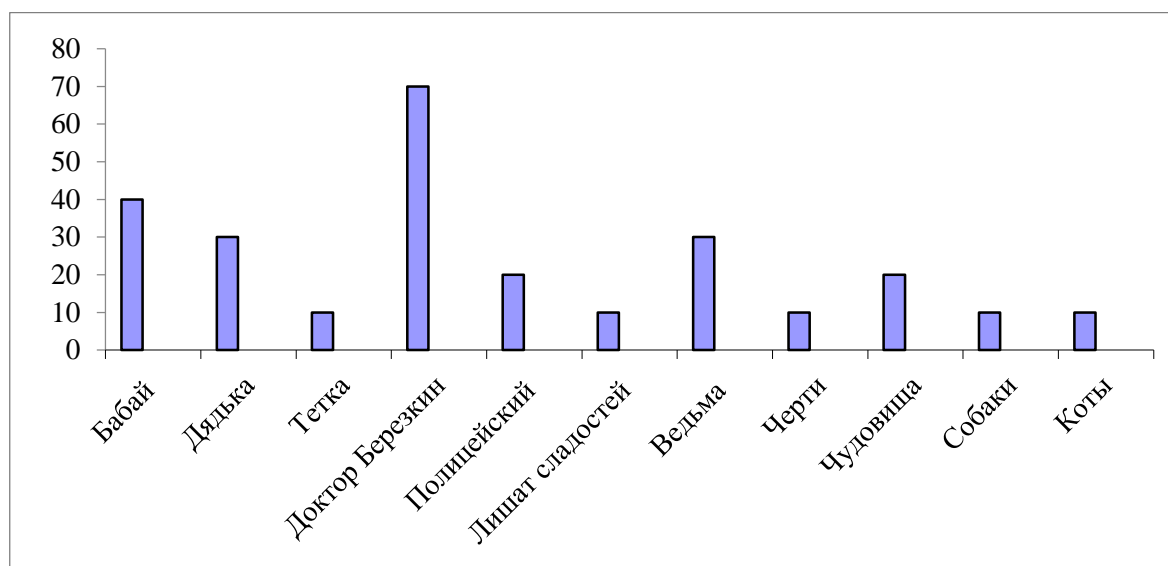

Рис. 1. Вид устрашения ребенка родителями (Шмите, 2006)
Fig. 1. Types of scaring children used by parents?

Из диаграммы видно, что чаще всего детям угрожали физическим наказанием (пороть березовым прутиком - доктор Березкин). Этот «доктор» всегда находился на видном месте, а то и под рукой. Как правило, хватало одних угроз, чтобы дети послушались. Сравнительно редко детей пугали сверхъестественными существами.

Обстоятельства, при которых применялись угрозы детям, значительно различались для городских и сельских детей. Сельские дети, по прошествии лет, очень точно могли сказать, от чего родители хотели их защитить и уберечь.

90 % обследованных взрослых подтвердили, что в семье пугали всех детей. 10% детей, проживая в многодетной семье, не получали угроз от старших, хотя других детей пугали.

78,5 % взрослых с пониманием и юмором относятся к полученному в детстве опыту и утверждают, что он не повлиял на них негативно. Эти респонденты считают устрашение действенным, быстрым и хорошим методом и применяют его при воспитании собственных детей. Если ребенку начать подробно рассказывать опасные свойства реки, колодца или леса дети, по их мнению, еще больше будут туда стремиться.

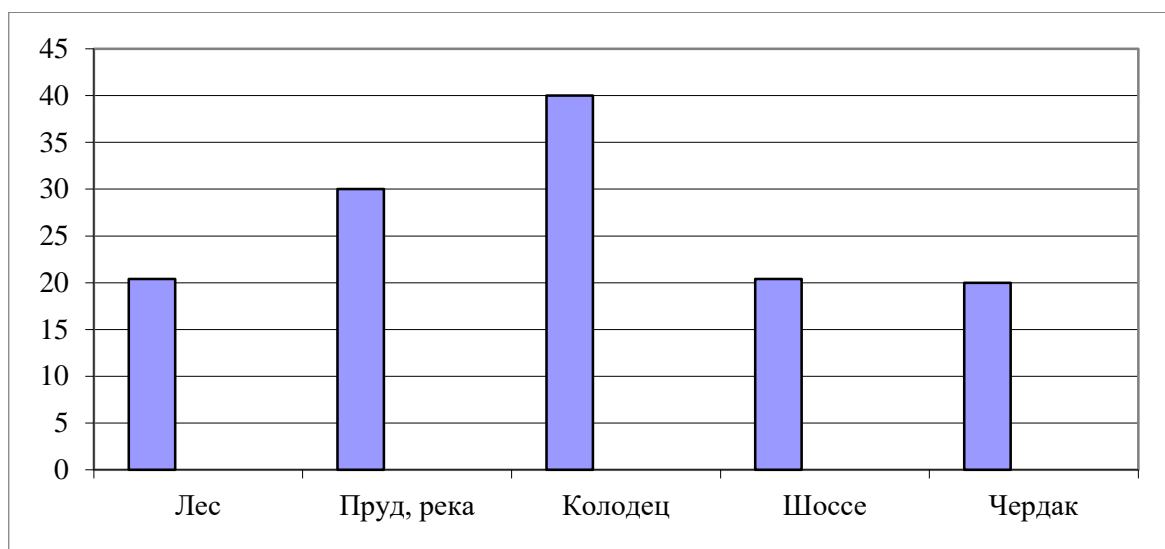

Рис. 2. От чего, пугая, хотели защитить детей родители (Шмите, 2006)

Fig. 2. From what parents wanted to protect children by scaring them?

21,5 % уже взрослых людей с опаской относятся к объектам, которыми их пугали в детстве: не могут спокойно видеть полицейских, боятся собак, не могут установить контакта с девушками и т.п. У части бывших детей осталась обида на родителей, которые не учли впечатлительности ребенка и

применили неправильный метод воспитания. Среди тех, на кого негативно повлияло пугание, по нашим данным, почти все мужчины.

5 % детей в детстве родители не пугали, а разъясняли неправильные действия.

Выводы *Conclusions*

В заключение сделаем некоторые выводы.

В настоящее время пугание детей - это, к сожалению, обычная практика семейного воспитания, которая позволяет родителям быстро и эффективно достичь своей цели. Почти все опрошенные, при воспитании которых использовали пугание, пугают и своих детей.

Как правило, применяя какое-либо средство воспитания, родители исходят из собственного опыта, опыта своих родителей и никогда не опираются на письменные или устные рекомендации педагогов.

Примерно пятая часть детей в детстве очень боялась угроз, а во взрослом возрасте считает, что родители использовали неправильные методы воспитания. Вероятно, в критических обстоятельствах им будет труднее сохранить высокую самооценку, самообладание.

В ходе исследования мы не получили подтверждения тому, что родители, как утверждают психоаналитики, путем запугивания хотят получить власть над детьми. Основными мотивами пугания было уберечь детей от опасности, предотвратить продолжение недостойного поведения ребенка, мотивировать на выполнение какого-то полезного действия или прекратить нежелательное.

Родительский опыт запугивания детей почти никак не соприкасается с педагогическим просвещением.

Психологические рекомендации, в которых утверждается, что запугивание приводит к поголовной невротизации, представляются родителям преувеличенными, и они продолжают использовать подобные приемы воспитания. Необходимо продолжить исследование поднятой проблемы с тем, чтобы найти точки соприкосновения родителей и учителей с целью создания благоприятной воспитательной среды.

Summary

In the lullabies of different nations there are characters that can cause fear. In Latvian lullabies there is a very small group of negative characters that harm the child. This is Mara, a black bird that disturbs sleep. There are no “strangers” in the Slavic understanding, bad people, bad beings in Latvian lullabies (Romenkova, V. (2009)).

In contrast, both in Ukrainian and in Russian lullabies there are very carefully described features of all entities that harm the child. These are Buka, Babai, Basalay, Bahahai, Ugomon, dog, wolf, etc., who seek to steal or eat the infant. The frightening can be intensified by the action of the adult – mother or nurse. They change their voice, scrape with their foot (Golovin, V. V. (2000): 19). The child experiences emotional tension and then falls asleep. To bring down the hysteria, crying and extreme excitement, sometimes a scary text is needed. V. V. Golovin believes that obedient and quiet children were not frightened.

An analysis of the sources reviewed allows us to conclude that the child and his health is highly valued in both traditional and modern culture. Consequently, the frightening of children is designed to calm them, warn them, teach them to distinguish their “own” from “strangers”.

The purpose of our study was to determine the prevalence of such a pedagogical phenomenon as the frightening of children by parents and its impact on the development of the child.

To achieve the research objectives, the following tasks were set:

- a) through a survey determine the number of people, who were frightened by parents in childhood;
- b) reveal the objectivity of adult threats;
- c) study the motives of frightening children and its impact on the further development of the child.

Summary of the main material. The study involved adults of both sexes aged 19 to 45 years (representative sample). In the sample men and women were equally divided. The survey and interviews were conducted by the students of the RTTEMA, (RPIVA), Riga, Latvia. The main material was received by V. Smite during the bachelor's research.

Of all the adults interviewed, 95 % were frightened by their parents as children. As a rule, the respondents noted that the threats of the parents arose as a reaction to high activity, naughtiness, curiosity, playing near wells, forests, etc. Sometimes children understood that they were frightened and were not afraid.

In our study, we found that the younger children in the family were frightened more often, probably because of being more at risk of an accident. Children were frightened with people, animals, supernatural beings and other objects (the doctor will make an injection etc.). Most of the respondents are grateful to their parents for trying to protect them from dangers. All (!) believe that as a child they were disobedient, and they had to be disciplined in some way.

90 % of adults surveyed confirmed that in their family all children were frightened. 10 % of children, living in a large family, did not receive threats from the elders, although other children were frightened.

78,5 % of adults relate to the experience gained in childhood with understanding and humor and argue that it did not affect them negatively. These respondents consider frightening to be an effective, quick and good method and apply it in the upbringing of their own children.

If the dangerous properties of a river, a well or a forest are described to a child in detail, children, in their opinion, will be even more eager to go there.

21,5 % of the adults are apprehensive about objects they were frightened of as a child: they are uneasy when seeing a policeman, they are afraid of dogs, they cannot establish contact with girls, etc. A part of the former children still had a grudge against their parents, who did not consider the impressionability of the child and applied the wrong method of upbringing. Among those who were negatively affected by the frightening, according to our data, with rare exceptions, were all men.

5 % of children in childhood were not frightened by their parents, instead they explained the wrong actions.

Conclusions

At present, frightening children is, unfortunately, the usual practice of family upbringing, which allows parents to quickly and effectively achieve their goal. Almost all the respondents, who raised up with frightened, frighten their children.

As a rule, when using any means of upbringing, parents use their own experience, experience of their parents and never rely on written or oral recommendations of teachers.

About a fifth of children in childhood were very afraid of threats, and in adulthood believe that parents used the wrong methods of upbringing. It is possible that in critical circumstances it will be more difficult for them to maintain high self-esteem and self-control.

During the study, we did not receive confirmation that parents, as psychoanalysts claim, through frightening want to gain control over children. The main motives of frightening were to save children from danger, to prevent disgraceful behavior, to motivate the carrying out of some useful action or to stop an undesirable one.

The parental experience of frightening children in almost no way comes into contact with pedagogical awareness.

Psychological recommendations, which state that frightening leads to general neuroticism, are seen by parents as exaggerated, and they continue to use such methods of upbringing. It is necessary to continue research on the problem raised to find common ground between parents and teachers in order to create a supportive educational environment.

Литература References

- Gough, D. A., Kiwan, D., & Sutcliffe, K. (2003). *A Systematic Map and Synthesis Review of the Effectiveness of Personal Development Planning for Improving Student Learning*. London: EPPI-Centre, Social Science Research Unit.
- Latviešu tautas dziesmas, (1952-1956). (Chansons populaires lettonnes), 12 sējumi. Redaktori: Arveds Švābe, Kārlis Straubergs, Edīte Hauzenberga-Šturma. Kopenhāgenā: Imanta.
- Moir, J. (2009). Personal Development Planning in Higher Education: Localised Thinking for a Globalised World. In: Resende, J. M., Vieira, M. M. (Eds.) *The Crisis of Schooling? Learning, Knowledge and Competencies in Modern Societies* (pp. 25–48). Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Press.

- Petty, G. (2004). *Teaching Today*. UK: Nelson Thornes Ltd.
- Thorson, J. A., & Powell, F. C. (1993). Development and Validation of a Multidimensional Sense of Humor Scale. *Journal of Clinical Psychology*, 49, 13–23.
- Šmite, V. *Bērna baidīšana kā audzināšanas procesa sastāvdaļa ģimenē*. Rīga, RPIVA, 2006. – 78 lpp.
- Бехтерев, В. М. (1912). *Внушение и его роль в общественной жизни. Внушение и воспитание*. СПб.
- Виноградов, Г. С. (1930). *Русский детский фольклор. Игровые прелюдии*. Иркутск.
- Головин, В. В. (2000). *Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе*. Abo Akademi University Press.
- Головин, В. В. (2000). *Тихвинские колыбельные 1852 года: опыт структурно-функционального анализа*. Тихвинский фольклорный архив. Исследование и материалы.
- Ишкова, М. А. (1998). *Феномен границы в детерминации активности ребенка*. Автореф. на соис. уч. канд. психол. наук., М., 1998.
- Мартынова, А. М. (1997). Детский фольклор. Поэтические жанры. *Антология*. – Отв. ред. Б. Н. Путилов; Сост. А. Н. Мартынова. СПб.: Дмитрий Буланин, 7-29.
- Мельников, М. Н. (1987). *Русский детский фольклор: Учебное пособие*. М.: Просвещение.
- О христианской семье*. (1992). М.: Писатель.
- Роменкова, В. (2009). Народная колыбельная песня, как средство формирования образа мира ребенка. *Психолингвистика*, №3, 83-89.
- Савчук, В. В. (1993). Тема смерти в духовном опыте человечества. Материалы первой международной конференции. *Фигуры Танатоса*, №3, С.-Петербург, СпбГУ, 38-44.
- Туминас, Д. (2008). К вопросу о функции смертной колыбельной песни. *Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика*. Available: <http://www.rutenia.ru/folklore/tuminas1.htm>
- Усачева, В. В. (2008). *Магия слова и действия в народной культуре славян*. М.: Институт славяноведения РАН.
- Хайдеггер, М. (2003). *Бытие и время*. Харьков, «Фолио».
- Холлис, Дж. (2010). *Душевные омуты. Возвращение к жизни после тяжелых потрясений*. М.: Когито-центр.